

свои силы и на это направить, и держаться своей внутренней сути.

Здесь ты мог бы сказать: человек должен обращаться вовне, коль скоро ему предстоит созидать нечто внешнее, ведь никакое дело не может совершиться помимо формы своего личного проявления.

Это, конечно, правильно. Однако для искушенных людей внешние формы проявления не являются чем-то внешним, ведь все вещи обладают для внутри обращенного человека сокровенным способом Божественного [бытия].

Вот что необходимо прежде всего: чтобы человек полностью и совершенно приучил и приохотил к Богу свой разум; и тогда внутри него всегда будет веять дыхание Божие. Разуму ничто так не свойственно и не присуще и не близко как Бог. Никогда он не устремится куда-то еще; он не обратится к творениям, иначе над ним совершится насилие и несправедливость, при этом он тотчас же будет сломлен и извращен. Если же он помрачится в юном или каком-нибудь другом человеке, то придется его выправлять с великим усилием, и нужно будет к тому приложить все, что возможно, дабы разум вновь мог навывуть и выпрямиться.

И вот еще каким образом Бог может стать присущим ему и соприродным: когда разум направится по ложной дороге и обретет опору в творениях, ими украсится и к ним возымеет привычку, то в сей части станет он столь ослаблен и сам по себе столь бессилён, а в его благородном стремлении будут чиниться ему такие препятствия, что любое усердие, которое способен проявить человек, окажется все-таки слишком ничтожным, чтобы вновь себя вполне приучить к прежнему. И вот когда человек все приложит к сему, тогда сам будет нуждаться в постоянной опеке.

Людам прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы приучить себя верно и накрепко. Захоти неискушенный и необученный человек жить и поступать так, как искушенный, он погубит себя полностью и бесповоротно, и из него ничего не выйдет. Но если он сперва сам отвыкнет от всех вещей и от них отстранится, то сможет впредь осмотрительно совершать все свои труды и безбоязненно им отдаваться, отрекаясь от них без всякой помехи. Наоборот, если человек что-то любит и находит в этом отраду и этому с готовностью отдается, будь то в пище или питье, или в чем-то еще, то для неискущенного человека это без ущерба не обойдется.

Людам надо привыкнуть к тому, чтобы ни в чем не искать и не преследовать своего, но обретать и постигать во всем Бога. Ибо Бог не дает даров и никогда еще не давал с тем, чтобы человек ими овладел и на том успокоился. Напротив, все дары, что Он даровал на небе и на земле, их все давал Он лишь с целью дать одинединственный дар, коим Он является Сам. Всеми теми дарами Он хочет приуготовить нас к дару, каковым является Сам. И все деяния, что Бог творил на небе и на земле, те сотворил Он только затем, чтобы совершить одно лишь деяние, а именно: тем Себя осчастливить, что может нас осчастливить. Итак, я говорю: во всех дарах и во всех трудах нам следует учиться взирать на Бога, и мы не смеем ничем удовлетворяться и ни на чем останавливаться. — Для нас в этой жизни не может быть никакой остановки. И ее никогда не было ни для кого, как бы далеко он ни заходил. Человек должен прежде всего постоянно и на каждый час сизнова пребывать обращенным к дарам Божиим.

Я коротко расскажу об одной, что страстно желала что-то иметь от нашего Господа, но тогда я сказал, что она еще не готова, и ежели ей, столь неготовой, Бог подаст дар, то она пропадет.